

БУНТОВЩИК

ОРГАН ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ АНАРХИЗМА.

№ 1.

Т-50069

Воскресенье, 7-го апреля (25 марта) 1918 года.

№ 1.

Рабочие и Крестьяне!

„БУНТОВЩИК“—это ваше издание потому, что оно борется за **ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ** всей ТРУДОВОЙ БЕДНОТЫ. Так помните же, друзья, о том, что ваше издание может существовать только при вашей как материальной, так и **НРАВСТВЕННОЙ** поддержке. Издание может держаться только при содействии и помощи вас **САМИХ**. Распространяйте же его,—читайте и, после прочтения, передавайте другим. **СНАБЖАЙТЕ ДЕРЕВНЮ НАШИМ ИЗДАНИЕМ**. Все отчисления, сборы взносы направляйте исключительно по адресу: **ТОМСК, УРЖАТСКИЙ, 7, кв. 10, Е. КЛЮЕВУ**. Подписные листы для сбора пожертвований на издание „Бунтовщика“ высылаются и выдаются в редакции с 1 до 2 ч.

К ТОВАРИЩАМ.

В интересах осведомления революционных групп трудящихся, ознакомления и сближения между собою анархистов, установления живой связи друг с другом и согласования действий товарищей, редакции „Бунтовщика“ желательно собрать и издать адреса всех организаций анархистов Сибири и Европейской России, поэтому мы обращаемся с убедительной просьбой ко всем группам, союзам, федерациям и ассоциациям товарищей—анархистов сообщить редакции свои точные адреса.

Редакция „Бунтовщика“.

К бедноте.

К вам, давшие капиталом, голодом и болотою, обращаемся мы. Вас, калечивые и уродливые капитализмом, вас, совершающие раба, эксплуатируемые вами совокупности буржуазно-рабоче-крестьянской культуры.

Проснитесь! И вы увидите сами весь ужас вашего положения, позор и ужас положения податного вола—человека. Проснитесь! Помните, что вы—в цепях, в кандалах всевозможных предразудков! И вы почувствуете всю опрощную тяжесть лежащего на вас ярма и узнаете, что нельзя жить и дальше так, как живете вы до этого дня. Вы узнаете, что невозможно жить дальше в безраздельной темноте вашего положения, не стремимся найти **практический** выход к свету и простору,—к свободе, равенству и братству.

Пари со своими приспешниками, начиная от полицейских и шпионов, оканчивая архиереями и министрами, говорили вам, что без них вы ничего не в состоянии сделать, что вам нужен клочок их власти. Вы, наконец, поняли всю мерзость обмана, взбунтовались и бурно обросли с себя всех монархических порабощателей и палачей. После этого вас пытались оседлать величайшие себя государственными социальными (разных партий) седлом республиканской власти. Вы же еще более бурно скинули с себя и этих нахальных кандидатов в начальство над вами.

Неужели после этого вы еще не достаточно твердо убеждены в том, что вам не только не нужно, но и вредно безудержно всякая власть? Неужели армия власти еще не достаточно намолила вам шею? Неужели вы еще не поняли, во всей полноте, что это ярмо вы должны разбить, уничтожить, разрушить безвозвратно, окончательно, если хотите быть вполне свободными.

На гребень бурных волн революционного моря окрыленные страстью бунта рабы наших дней вынесли большевиков. Значит ли это, что вы, эти рабы, должны

оклонить покорно ваши головы перед ними, делом ваших рук, захотеть себя в хомут их власти? Нет и нет, миллиарды раз: нет! Если вы глубоко задумаетесь над своим положением, вы увидите в сущности своей тяжкой и безотрадной жизни, вы не можете не понять наш **анархизм**, в том, что всем нам, рабам смрадной и ядовитой капиталистической цивилизации, буржуазной культуры, вредна не только власть социал-демократов, меньшевиков и социалистов-революционеров, но и большевики и максималисты, эти чванливые „государственных мужей“.

Власть—омут, который засасывает, топит и губит все завоевания народной революции, завоевания и победы, позитивные ценности, омраченные вашими слезами, политая кровью близких и дорогих вам братьев вашей многочисленной семьи обездоленных,—классов трудящихся, классов бедняков. Всякая власть—это водосточная труба, по которой различные господа с высоты своего палата спускают вниз, выливают на рабов содержимое своих помойных ям и отхожих мест. на рабов, в пылу простертых перед властью. Власть—паразит, власть—вош на вашем **искусственном теле**.

Разве вы не можете разстаться с блохами и клопами? Разве они недостаточно еще развозили в вас огни возмущения? Разве вы—слепые? Если нет, так зачем же нам повсюду? Разве вы трусы? Если нет, так зачем нам власть, этот чирей на нашем затылке?

Разве не вы и жемье до вас поколения рабов создали **все** благ жизни, **все** ценности земли, **все** красоту изданной мира? Если вы, так чего же для кого вы, живой океан, боги, перед кем вы робеете? Неужели вы все еще продолжаете верить тем лгунам и обманщикам, кто врет вам о возмущительнейшей несправедливости, что от этого вам же будет хуже? Ведь это вранье смехотворно,—и больше.

Власть—пышка наша стародавная. Власть—древняя кровососная букашка для нас, рабов. Такая „лучшая“ власть, какая только мыслима,—наслышче

ская укалка, пеленки для нас, опекуны—скрапа, выдающий грош опекаемому из огромных, из немеренных богатств последнего. Нас пеленали и опекали, нас грабили в течение тысячелетий. Мы поняли это и стремимся, стараемся возратить себе все ограбленное у наших предков и у нас. А так как сделать это можем **исключительно, только мы сами**, класс голодных, классов рабов, так как в этом случае всякая власть—и всегда против нас, вот поэтому мы—**анархисты**, поэтому мы безразлично и всем **безвластью** и всем безразлично все тенета власти, хотя бы и „делекатно“ эта власть старалась казаться. Пусть трусы и продажные свои интересы за оглоздание „благотельем“ кость миндальничают с властью и унижаются перед властителями, мы же, окаянные дети своего рабства, разорваны, вынуждены не наденем и будем до конца бороться с властью.

Государство—просто вещь, но и со всеми ее убогими и мерзостными прихотями.

Мы знаем, что освобождения нам никто не даст, если мы сами себя не избавим, поэтому зовем и вас **освободиться самим** себе, удалять **самостоятельно** все преграды, загораживающие вам дорогу к лучшему, срывать с себя все пеленки и цепи. Мы призываем вас к **самосвобождению**. Второй год государственные социалисты говорят нам: „Мы разрушили для вас монархию, мы делаем, делаем и сделаем для вас. Словом, мы пахали“. Вы поняли лож и обман духовности и чиновники, теперь поймите обман и этих бунтов, воскаряющихся на ваш заговорный, вместо прежних вампиров. Пауки стараются затянуть вас в свою смертельно-ужасную хитроплетенную паутину. Неужели вы продолжаете оставаться прежними **лгунами и смренными мухам**? Все делали, делали, делали и **сделайте, можете сделать для самих себя только вы сами**. Когда вы поймете свои интересы и интересы всего класса давимых и эксплуатируемых, в тот момент вы станете непоколебимыми, и никто уже не победит тогда нас и все, наших неосознательных пока и малоосознательных братьев по мукам и страданиям.

Хуже того, было, **никогда не может быть**, если мы сами не позволим возвратиться на худшее. Если же мы не рабы, то у нас не будет никуда. Идем вперед,—все вперед и вперед!

Не забывайте о том, что трусы и безразличные не могут стать свободными. Помните так же всегда, что в борьбе теряем мы лишь цепь, но приобрести можем все обаяние, всю красоту свободной, просторной, чистой и светлой жизни. Вооружайтесь не только физически, но тем больше

духовно, запасайтесь и закаляйте в себе силу духа, чувств и мысли. Больше думайте сами над жизнью. Вам внушают, вас гипнотизируют, вас усыпляют тем, будто бы принесут вам избавление национализация и социализация, проводимые „законодательным“ путем,—**сверху**. Мы призываем вас взять, экспроприровать, взять из частной собственности, перенять, сообразно в свои, **революционным** путем всю землю, все фабрики и заводы, мастерские и магазины, дома, словом—все богатства земли, созданные вашими же мозговыми руками, непосредственно распоряжаться ими в интересах общей пользы, устраивать свою жизнь **самостоятельно, снизу**, без помощи какого бы то ни было аппарата управления вами „сверху“, без всякого начальства. **Саморегулируйтесь** без управительства, без иерархий. Мы зовем вас **анархия**—**вперед без власти**, без начальства.

Мирная анимированная организация господа—жандармы, науки, культураторы автоматической дрессировки, лжи и обмана и вслед за ними безосновательные, нежизнеспособные и покорные рабы и предуги, забравшие камни озлобления и ненависти нам. Идеал, анархизм, швыряют в него грязью маркобесия,—они стараются односторонне навредить нам, анархистам, и вам, нашим братьям, друзьям, товарищам и сочувствующим. На нас они беззастыдно клеветают, нас нагло обманывают, нам лгут беззастенчиво, оклеветывая нас и все ядовитыми и удушливыми газами всевозможных слухов, интриг и змеиного шипа. Нам не страшны эти со всеми мерзостями своими: наши убеждения являются радикальными противоядием против их змеиного яда. Не пошатнется же в их ловушку, если желаете сознать и осознаете свои интересы—интересы эксплуатируемых, работорговцев. Ни полслова, ни на полслова не верьте всевозможным господам и их различным лансам!

Ценность идеала—поль, если чем скорее идею к этому идеалу, тем все дальше и дальше, в глубь будущего он отодвигается. Такой идеал—мираж, призрак, обман. Такой идеал не только безполезен,—он вреден для трудящихся потому, что убавляет их сознание, парализует их революционную активность, деятельность, способность к революционному действию, отупляет их все, лжет в них мелочность, равнодушие к своим интересам и к революционной борьбе. И таковы идеалы всех государственно-социалистических властолюбцев, начиная от эсов и меньшевиков и оканчивая большевиками и максималистами, в особенности доморощенными,—**томами**.

Наш анархический идеал тем ценнее, что осуществление их

возможно начать сегодня же, что завтра же,—неосредственно, но будущее дает плоды их.

И нам часто обращаются с просьбой: дайте вашу программу. Мы не шарлатаны. Мы прекрасно сознаем, что жизнь, многогранная, многообразная жизнь человечества в своих безчисленных проявлениях не может уложиться несконеченной в рамках десятков, сотен и тысяч томов писанного беззакония, палывающего „законом“, никакой даже самой „умной“, самой „разсудительной“, самой добротной и многообещающей программы, намарной тысячами рук самых искушенных политиков,—эти жалкие карлики, имеющие смелость, выражаясь нескладно, называть себя „революционерами“.

Какова наша программа? Мы неуклонно и сознательно идем к анархии, к безвластью, по тому, что единственно при анархии, **анархизме**, преобразится и изменится, светлая и радостная жизнь, в условиях добровольного согласия; следовательно, в условиях необманных свободы, равенства и братства. Наша программа—полное освобождение, освобождение от **всех** вериг и преград других от вериг религиозных, общественных, государственных, основно-кастовых, „научных“ и корпоративных предразудков,—от этой ужасной—возмутительной проказы современного тленного мира.

Наша программа—анархия. Вперед, наша программа—короткая и ясная. Нам не зачем писать свою программу и потому, что сама жизнь, невольно заставляя нас в наших сердцах и мозгах. Наша программа—гармония **всей великой семьи** тружеников **всего мира**. Наша программа—явь для бедняков, даже и для показывающих им деловитость в своем бедствии, для всех дающих паразитов. Наша программа—позитивный калей, смертельная отравка для наслышечной цивилизации и иерархической, начальнической, управительской культуры.

Вот почему все они нас трахают. В прошлом году здесь они нас разорвали в буквальном смысле этого слова. Осколком томских потрошков 1905 года, замаскировавшиеся социальными, сделали свое кровавое, мерзкое дело. Палачей, разстрелявших совершенно безоружную молодежь из крестьян и рабочих, наравленную солдатами, отступили на все четыре стороны и пожинать пошлые утешения господско-рабской жизни.

—Кай, где брат твой Авель? Но Кай трепещет, Кай бежит, Кай прячется... от света правды. Подлый трус, презренный раб! Не обомлело дело безпределающего лобзания и безудла Искариотского. И его мы называем громко... Николай Ма-

— А жаль, сударини, чижікі прілетіли! — повідомляє воробей вороне.

Чік-чірі! Прилетіли шумят, порхають, щебечуть... Ужасно болятькі ітні! І скорпія злізла с ними, как всегда. Хе-хе-хе! Вперя, знаєте, спросія і лутку оного із віх: «Чо, голубінь, адегелі?» Огнеліа дерзостю. У віх ітні совершенно не уваженія ні в чину, ні в слові, ні в обіах ственіх! Положеніе собесіація І-наворній воробей...

Но тут, ізза туби, на крышю неожиданно явилася молодой ворон! Ипологоса отранорвала:

— Внимательно прислушайтесь, по долгу службы, в разговорах всех населяющих воздух, землю і неба, аэриі ітні! Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

— Чік-чірі! — воскликнула воробей, безпокойно обшаривая на хонистелі, в вороні, багроватерено позача голови. — Вспомните, что вы были не оными, — сказал старый воробей. — А на счет обоняния нежной природы... Это, конечно, приятно, если... происходит с разрешения тех, кому се неведать надежд...

— Факт, факт! — одобряет собесіація ворона, благословенно почивая...

И выслушавшему дождно добавят, — продолжают ворон, что означенные чіткі выражают неудовольствие по поводу того, что ручьи, из коих они утоляют жажду, как бы мутны. Некоторые же із ітні дерзостю мечтают о свободе...

Этот смелый бунтовщик гордо реет среди молний над равнинами гневом. — Это крик пророков бунта! Ждите, — скоро треснет буря!

Петроград, 1901 г.
Алексей Пешков (Максик Горький).
P. S. Среди кровавых кошмаров блещут і аркіе зарницы лучшей жизни. С самого начала ХХ-го века угнетенная часть человечества сплелась черной пеленой капитализма і государственности, которую боится, пугаясь, разорвать эту ужасную пелену і вырваться із заколдованного круга поколения золотом тельцу і власти, напиранию і утеснению себя дороге к правде.

Одно із ярко светлых зарниц 20-го столетия в русской литературе было і является бедным і samotным *Алексеем Пешковым* (Максик Горький). Кажется, будто вырос, додумався і вышел по вселенной на борьбу с жизненной несправедливостью, над которыми Н. А. Некрасов шел своим вдохновенным песню.

Восхищенный Горький зарвался партией, социал-демократической уостью, і его литературные произведения значительно поблекли, талант потерял много своеобразия, оригинальности. Но все-таки Горький, как творец по природе, был выше партийной уасти, был свободным поэтом — художником. Жизнь искалечила Горького, но не сломала і оставила на жизни свой след, который замалчивали, оклеивали, но все-таки у него были органы вымысла і вылезли, — сила гнева, пламя страсти і уверенности в победе!

Горький в лучшую пору своего творчества был анархистом, сам не сознавая этого вполне. Когда он писал «Восстание из недр земли» і «О том, что такое революция», он боролся с властью волею.

Мы перепечатаем «Восстание из недр земли» из нежелательной свежести, тем более — из чіткі, кажется, она в печати не появлялась ні разу.

Мы переживем монархию, жили под гнетом полновластной і империалистической буржуазно-капиталистической власти, теперь переживаем понос радикального государственного-социалистического течения. І что ж? Сравните между собою всех ворон і вообще «ітні» с горьковскими! Выходит в конечном счете: «оба лучше». Пора — решительно наравиться к анархизму і бескалостности, категорически отказаться от полновластия, каковы бы то ні были начальники.

Редакция «Бунтовщика».

Марш анархистов.

Споемте же песню под громы волнений,
Под дули і зарывы, под пламя борений,
Под знаменем черным гігантской борьбы,
Под звuki набата — призывной трубы.

Возьмемте дворян і разрушим кукуры,
Совьёмте оковы, срывайте порфиры!
Довольно локорной і рабской любви!
Мы горе народа потопим в крови.

Возстанат, проснувшись Народная Воля
На стоны Коммуны, на зов Ровашоля,
На крикі о мести побитіх людей
Под гнетом буржуев, под гнетом опея.

Іх много — о, правда! — нужно забитых,
Іх много по тюрьмам, на плахе убитых,
Іх много — о, правда! — служивших тебе
І наших героік в неравной борьбе.

Іх стоны втают под небом Россіи,
Іх стон раздается как рокот стіи,
Звучит он в Сібірі, в неволе глухой.
І нас возмывает на доблестный бой.

Перевод с французского А. Сердюковой.

Когда, в 1900 году, немецкие солдаты отправлялись в Китай, Император Вильгельм сказал им напутственное слово: «Встречая несправедливости, забивайте, режьте его; не берите пленных, не оказывайте ні милости ні пощады тем, кто попадает в ваши руки».

Забивать всех, уничтожать всех і всюду, — вот приказ германского Императора, этого представителя госаода бога. Та же самая идея преобладает і в нынешней войне, хотя в Европе і нельзя реализовать в полном объеме всех подлгов, совершенных в Китае.

Однако часто, замечая сумрак в глазу другого, не видишь бревна в собственном. Одні ні немцы поступают так? Посмотрите, как ведут себя остальные.

Обратите внимание на Англию. Она вся обогрета кровью. В Иллиноисе количество убитых достигает миллиона человек. Голод, пужа і болезні потіхліли массу населения но счітыва убитых в сражениях і возстаніях. Вся история Англиі написана кровью. Вспомните о войне с бурами. Кто не слышал о полях концентрации, привезших в негодование весь мір? Безчеловечное обращение с женщинами і детьми вопіет к небу Это стыд і позор для страны, которая любит кичиться своей цивилизацией. А экспедиція лорда Китченера, этого убийцы, званнаго поетом военного міністра Англиі. Кроші, еще кроші, без к-нда кроші — вот на чем построена карьера этого героя. Основа его величія — груды труш, трофеі всего его жіані — скелеты.

Посмотрите на Франціі і заставьте говорить туземцев Малагаскара і Марокко. Дорога, пройденная Франціей в этих странах, — страшное шествие для туземцев, которые, когда они заб-

гали массового істребления, подвергались самому ужасному обращению.

Посмотрите на Бельгію і оцените способ, которым она цивилизовала Конго. История этого бедного народа — история отрубленных ног і рук. І забавнее всего то, что именно Англия возмущалась, протестовала і негодовала против подобного рода варварского способа насаждения цивилизації.

Взгляните на Германию і на ее обращение с готтентотами. Громадное число людей было поселено на необитаемых островах, где они, нарочно лишённые пищи, умирали голодной смертью. Ежедневно на остров отправлялась повозка, возвращавшаяся обратно переполненной трупами. Иппо, изучившее деяния немцев на юго-западе Африкі в 1900 году, свидетельствует, что политика Іх имела целью извешение обитателей до положения рабов і полное уничтожение туземцев, в случае их сопротивления. Экспедиция руководил генерал Тротт. Сотні жітелей были отправлены ім в пустыню, где они погибли от жажды. Генерал дошел даже до того, что вырывал людей ліанімом.

Вспомните способ, каким Америка «цивилизовала» краснокожіх. Первобытные жітели почти совсем уничтожены. Іх история — тоже история беззастенчивых грабежей, насілія і убійств, совершенных над ними.

Посмотрите, каким образом вводила цивилизацию Голландия. Еще не забыта ее экспедиція к гаикам, женщины которых подвергались изнасилованію затем убивались, а діти наизлывались на штыки. Мы отличим помнюм о зверствах і грабежах в Лубоке, где голландцы забрали все, что звать было можно, чтобы выставить на грабежное добро в амстердамском музее. Мы помним, как зверски обращался с туземцами генерал Ван-дер-Гейде, этот достойный соперник лорда Китченера; зато, когда он вернулся на родину, его чествовали, как героя, — высшие сановники і королевская семья воздавали ему почести. Мы хорошо помним, что доблестное племя асеа, на Суматре, сопротивлялось голландцам впродолжение тридцати лет і что война эта окончилась только потому, что больше не с кем было сражаться, так как все племя было поголовно уничтожено...

Вот почему все націи, ведущие колониальную политику, сделали бы лучше если бы молчали: все они в одинаковой степени виноваты, — ні одна не лучше другой.

Колониальная политика — всегда политика меча і слез, і все народы, которые ведут ее, по горло сіят в грязи і крови.

Если туземцы когда-нибудь напишут свою историю, это будет самым чудовищным обвинением всего цивилизованного міра.

Один китайский ученый сказал однажды: «Сперва народы белой расы прислаивали к нам людей в черных одеждах, это — миссионеры; они обещают нам рай, которого мы не жеем, особенно если разделять эти счастье нам придется с ними, нашіми прітеснітелями і эксплуататорами. После них приходят люди в белых одеждах, эти — купцы, которые обирают і грабят нас. А когда мы сопротивляемся, нам прислаивают людей в цветных одеждах, эти — нас убивают».

Джонс Нильсеновте.

P. S. Вышеприведенная выдержка із статьи нашего голландского товарища Домелла Нильсеновте, напечатанной в № 1 «Libre Pensée Internationale», приведена нами в качестве прямого ответа на волнующий сейчас многих исконных, но наивных товарищей вопрос о «преимуществах» демократической культуры над культурой варварской. Если же все-таки еще надлежит колеблаться, то ім, чтобы получить убедительный ответ, рекомендуется спросить любого красно, жетю Ілі чернокожего туземца, на своей спине опмывающего все, «преиселі» демократических, «преимущества». Так, например, не мешало бы спросить революционера Індіі, оценивает ли он громадное преимущество быть повешенным на английской веревке, вместо русской монархической, обвивающей шею русского революционера.

Редакция «Бунтовщика».

Дуда.

Собирайтесь-ка, ребята, поскорей,
Привем песню мы крестьянскую друж-

Полно нам под хулу барскую плясать,
Не пора ли на своей дуде сыграть?

Сколько времени, на плу на боду,
Господа да кулакі дудят в дуду,
А начальство, внаі, подхлестывает

Чиную, Чиную ревей мужик выжидал колом.
Сомнеи он, до ітні сомнеи,
І кармана грош посекел, внаі, дити,

Чиную да кулакі берут гроші.
Очень-де крестьянскі девят хороші!
Тут і поп, глазі акордію поет.

А руками те же денежки грабят!
Ах, ты подлый, долготерпий сатаза,
Весь і так, поди, мовна даво позва!

До каких же пор нам, братцы, плясать?
Или не надо нам, братцы, плясать?
Нет, — давайте на своей дуде играть!

Пусть полиняют теперь те вороны,
Растраст маленько чирью свое!

Песня борющихся.

Я не певец напавов борющихся,
Я не даскою глух — труш,
Но разбужу страстей митящих

В душе угнетой і больной.
Нет, песнь мою — то песнь яма:
Я мнесто арка — мнесто позва.

І ствала гібнелі ітні, плясать?
Із песней — несча скорбі ітні.
Я призываю меча напавом

Но бичаго в пыльный бок,
А тех чье сердце полно гневом,
І тех на біту подымай!

Я ствал певом м-ча, не арка —
І рад, что ствал криком мой.
Под ней не гудит меча кураи,

Как под якором бітні!
Повіи борющихся, под я біту
І в ней свободн віку дуч,
Я не испуг, как раб, молітуй,

Прямою мчу кровет і мочу.

Я не пал в ногам кураи,
Мне донь свободній — пелай век;
В речах огни, в руках сеіра,
І царь природы — человек!

Іван Малева.

Коммуна крестьян-анархистов.

В деревне Бояране Морозовской вол. Кузнецкого у. Томской г. организовалась трудовая крестьянская коммуна «Анархія».

Коммуна приглашает учителей ілі учителей, товарища-анархистов беззаслужно.

Почтовый адрес коммуны: Лебедовское Томской г. в дер. Бояран Морозовской вол. Ивану Новоселову Ілі Міхаліу Сидурову — для коммуны «Анархія».

Коммуна находится в 15-ти верстах от ст. Плотниково Колычугинской жел. дор.

Коммуну тралят деревенские богачи — кулакі. Коммуна состоит із наиболее бедных крестьян. Она нуждается в анархической літературе прежде всего, затем в лошадах, с-х. орудіях і машинах і в зерне для обмена на полях.

Помощь коммуны со стороны друзей, товарищей і сочувствующих просим направлять по указанному адресу.

Nota bene. Просим излания анархистов і сочувствующих коммуны не пересылать это сообщеиіе.

Коммуна «Анархія».

